

Роман Злотников

БОЙЦЫ
С ОКРАИНЫ
ГАЛАКТИКИ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2Рос=Рус)

3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В.

3-68 Бойцы с окраины галактики / Р.В. Злотников. – М. : Т8
Издательские технологии/RUGRAM. – 446 с. – (Берсерки).

ISBN 978-5-519-66252-9

Поражение канскебронов, первое в истории их масштабной космической экспансии, дало Земле надежду на то, что этому страшному врагу можно противостоять. Но берсерки – люди, наделенные даром видеть рисунок событий и делать правильный выбор, – понимают, что война с канскебронами не окончена и следующее столкновение с армией киборгов и контролеров внеземной цивилизации приведет к уничтожению непокорной планеты.

Земле нужен космический флот, а для начала – специалисты, способные его создать. Так на одной из провинций галактической империи, пусть и уступающей в силе Единению, но намного опередившей Землю в научно-техническом развитии, появляются трое «окраинных варваров»: Олег по кличке Берс, Энтони и Млокен-Стив. Все трое зачислены курсантами в Танакийскую его императорского величества высшую школу пилотов...

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC FLC

BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-66252-9

© Роман Злотников, 2000

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

ПРОЛОГ

Император Эоней не любил этот кабинет. Он был слишком огромен, помпезен и холодно-неуютен. К тому же во время похорон отца юному императору пришлось провести в нем две не очень приятные ночи, и, видимо, его подсознание до сих пор связывало это место с теми тягостными и утомительными часами, но уже без того странного ощущения всевластности и величия, которое поддерживало его все долгие недели траурных церемоний и еще около недели после коронации. А потом исчезло без следа. Однако в Садах Эоны, которые разбил его отец почти сорок лет назад в честь свадьбы со своей последней, самой любимой женой, спустя десять лет после столь знаменательного события ставшей матерью Эонея, больше не было помещения, где император мог бы уединиться, не бросая вызов традициям и дворцовому протоколу. И главное, чтобы оно было столь же защищено от посторонних глаз и ушей. Так что приходилось довольствоваться тем, что имелось. К тому же он уже давно научился мелким уловкам, которые не давали вызывающему великолепию кабинета слишком уж портить ему настроение. Тем более что сейчас на это не было времени.

Император слегка поджал губы и бросил взгляд на собеседника, который сидел с противоположной стороны роскошного стола размером с королевскую кровать, вырубленного из цельного кристалла сапфира. Тот был высок, массивен, роскошный придворный мундир сидел на нем как влитой, а лицо являло миру великолепно сбалансированную смесь преданности, почтительного внимания и служебного рвения. Но император не принадлежал к числу людей, которые восприняли бы это выражение лица слишком уж всерьез. Лорд-директор департамента стратегических исследований был одним из двух человек, чье слово на протяжении трех лет, прошедших с момента коронации, весило даже несколько больше, чем слово двадцатисемилетнего императора. Эоней исподтишка бросил взгляд на лорда Эйзела, уж тот-то не позволит себе отвлекаться на тени прошлого. Насколько император помнил, Эйзел был младшим сыном лорда Эттерея-Эстора, главы боковой линии ветви Эттереев, основным достоинством которых была безупречная родословная. Так сказать чистая, незамутненная голубая кровь. Он начал службу семьдесят два года назад, еще при отце Эонея, в чине принципа-оруженосца, а в должности лорда-директора пребывал уже двадцать восемь лет. Смешно было сомневаться в том, что за свою долгую жизнь он успел повидать целую кучу намного менее удобных помещений. Так что у лорда Эйзела должен был бы давно выработать иммунитет. Тем более что у императора были все основания считать, что этот кабинет он посещал намного чаще, чем сам Эоней. Император тихонько вздохнул и, сделав усилие, вновь сосредоточился на том, что излагал ему лорд-директор спокойным, размеренным голосом, так не соответствующим содержанию его речи:

— ...Все вышеизложенное позволяет утверждать, что на территории империи действует разведыватель-

ная сеть такого уровня, который обеспечивает противнику доступ к информации особой важности. Отсюда следует, что, несмотря на все мои усилия, результаты деятельности моего департамента позволяют вам, сир, квалифицировать их в соответствии с разделом пятым статьи второй Имперского уложения о принципах лояльности трону, а посему я вынужден покорнейше просить ваше величество принять мою отставку и назначить комиссию сената для расследования уровня моей некомпетентности. — Лорд Эйзел замолчал и отработанным многолетней практикой, тщательно выверенным жестом склонил седую голову. Жесткий стоячий воротник придворного мундира, сплошь покрытый золотым шитьем, врезался в шею и подбородок.

Император несколько мгновений молча смотрел на крупные завитки седых волос, плотно покрывающие макушку склоненной головы, не давая лысине ни малейшего шанса, потом искривил губы в усмешке:

— Перестаньте, Эйзел. На протяжении всех недолгих лет моего правления вы столь подчеркнуто соблюдали этикет, что я уже успел выработать иммунитет. Вы прекрасно знаете, что я не приму вашей отставки и... — Тут он снова усмехнулся, но на этот раз несколько спокойнее, и продолжил более фривольным тоном: — Не отдам вас на растерзание этой своре престарелых маразматиков. Где еще я возьму столь верного и ловкого стража моих интересов, который к тому же не питает далеко идущих амбиций, как, скажем, лорд Эомирен? — Он сделал паузу и несколько насмешливо закончил: — Я склонен предполагать следующее. То, что он до сих пор не поднял в сенате вопрос о лояльности трону, вызвано только тем, что наша великая опора традиций пока не отказался от своих матримональных планов в отношении меня и одной из своих дочерей, а у вас, насколько я помню, одни мальчики. — Эоней замолчал.

Лорд-директор еще несколько мгновений сохранял прежнюю позу, ожидая продолжения, потом неторопливо выпрямился. Собеседники обменялись понимающими взглядами, потом император сдвинул брови.

— Итак, вы уверены, что канскеброны что-то готовят.

Лорд Эйзел учтиво кивнул. Император задумался, потом повернулся вместе с креслом. Лорд-директор с положенной этикетом задержкой развернулся в ту же сторону. Густая темнота, до этого момента заполнившая весь огромный кабинет, за исключением небольшого пространства вокруг стола, немного померкла, и на фоне дальней стены вспыхнула густая россыпь огней. Какое-то время собеседники молча рассматривали знакомую картину, потом император глухо произнес:

— С ними следовало разобраться еще моему деду двести лет назад, когда мы с ними только столкнулись. А он предпочел открывать школы, строить дворцы и основывать университеты.

Лорд Эйзел откликнулся с небольшой заминкой:

— Это весьма достойные занятия, сир.

Эоней нервно рассмеялся:

— Перестаньте, Эйзел, вы знаете, о чем я говорю. Бывают, хотя и гораздо реже, чем кажется, времена, когда солдаты становятся важнее студентов. Мой дед забыл об этом, и его потомку приходится за это расплачиваться. Правда, не только за его грехи...

В кабинете на несколько мгновений установилась напряженная тишина, потом оба собеседника, не сговариваясь, одновременно снова повернулись к карте.

— А может, это проявление их обычной паранойи?

Лорд Эйзел покачал головой:

— Не думаю, сир. Культура канскебронов, конечно, достаточно... оригинальна, но в области внешних контактов они давно придерживаются общепринятых правил игры. Тот факт, что их Контролеры пошли на

столь беспрецедентный шаг, как полный и... я бы даже сказал, демонстративный арест всех наших резидентов и уничтожение наших разведывательных сателлитов, осуществленный на фоне тотального интернирования граждан империи, мне кажется, говорит сам за себя. Они прекрасно понимают, что наша слепота не протянемся слишком долго, так что... — Он резко оборвал фразу, давая императору возможность самому закончить мысль.

Эоней несколько мгновений молчал, осмысливая услышанное. И у лорда-директора мелькнула мысль, что, несмотря на то что три года правления уже остались свой след на челе императора, именно в такие моменты его молодость становится особенно очевидной. Император поднял глаза:

— Сколько у нас времени? Три года? Пять?

— Я думаю, меньше, сир. Мы сможем развернуть достаточную сеть сателлитов за один, максимум два года. Так что все, что они планируют, должно произойти в течение этого времени. Или хотя бы основная часть.

Эоней нервно стиснул руки, потом вскочил и раздраженно прошелся по кабинету. Яркое пятно света, висевшее над столом, разделилось на два, и меньшее из двух поплыло над императором, несколько напомнивая со стороны нимб святого.

— О темная бездна, мы стали слишком мягкотелы! Двести лет назад, чтобы разобраться с канскебронами, достаточно было одной-двух эскадр, а сейчас... — Император запнулся и глухо закончил: — Сегодня они сильнее нас.

Произнеся это, Эоней бросил испытующий взгляд на лорда-директора, но на лице того можно было прочитать только крайнее внимание. Лорд Эйзел был слишком опытен, чтобы поддакивать императору в тот момент, когда у его величества наступил приступ

уничтожения. Император несколько мгновений вглядывался в лицо собеседника, пытаясь отыскать хоть какие-то следы иных эмоций, потом усмехнулся:

— Ладно, Эйзел, оставьте свои упражнения в придворных манерах. Я же сказал, что за последние три года я успел выработать к ним стойкий иммунитет. — Он хитро прищурился: — До меня дошли слухи о вашем поручении имперскому Энор-Тарскому университету, не поделитесь результатами? — И он замолчал, уперев в собеседника проницательный взгляд.

На лице лорда-директора мелькнула тень растерянности, хотя, вполне вероятно, она была всего лишь отражением ожиданий императора. Однако пауза слишком затягивалась, и император явно не собирался прерывать ее первым.

— Исследования еще не закончены, ваше величество, я не хотел бы обсуждать необработанные результаты. — Он сделал паузу, стараясь получше подобрать слова. — И я не думаю, что вы должны быть столь... категоричны. Генеральный штаб и адмиралтейство утверждают, что последние сорок лет между нами сохраняется паритет...

Император горько рассмеялся и, подойдя к столу, резким движением бросил на полированную поверхность пластинку носителя.

— Вот, Эйзел, можете ознакомиться. За последние двенадцать лет ни одна, слышите, Эйзел, НИ ОДНА пограничная стычка тех кораблей, которые наше адмиралтейство считает равными по классу, не закончилась в нашу пользу. Мы выиграли только те стычки, в которых превосходство сил с нашей стороны было бесспорным. — Император нервно рассмеялся. — Впрочем, что я вам говорю! Вряд ли лорд Эсингей стал бы заниматься подобной статистикой по собственной инициативе, так что, скорее всего, это исследование тоже ваша работа! — И он внимательно посмотрел на собеседника.

Но лорд-директор никак не отреагировал на подобное заявление. Эоней еще некоторое время пытался взглядом пробить броню невозмутимости лорда Эйзела, но потом признал свое бессилие и, тяжело опустившись в кресло, глухо заговорил:

— Когда я был маленьким, отец иногда усаживал меня на колени и рассказывал о наших предках. — Он слотнул и, опустив голову, замолчал. Хотя если бы он поднял голову, то на этот раз его желание увидеть удивление на лице лорда-директора было бы вознаграждено. Многие считали императора Эзарра II великим правителем, некоторые, более информированные, чудовищем в человеческом облике, но никто никогда не мог представить его с ребенком на коленях. Он подавлял всех, кто находился рядом с ним, и даже сам Эоней до сих пор, спустя три года после его кончины, чувствовал за своей спиной его монументальную, давящую тень. Хотя, возможно, именно она являлась основной причиной того, что он все еще оставался императором.

Эоней тихо вздохнул:

— Тогда я мечтал стать столь же великим и прославленным в веках, как Эгей, Энияр II, Эномей или мои дед и отец. А сейчас... сейчас я уже готов согласиться на то, чтобы история запомнила меня как серенького, незаметного правителя. Единственное, чего я боюсь, — это стать ПОСЛЕДНИМ императором. — Он вдруг поднял голову и, повернув к собеседнику отчаянный взгляд, произнес: — Вы должны совершить чудо, Эйзел. Вы должны помочь мне найти выход.

Лорд Эйзел приоткрыл тисненную золотом кожаную папку, которую все это время держал на коленях, и, достав оттуда пластинку носителя, неторопливыми, но подчеркнуто значительным жестом положил ее на стол. Император несколько мгновений напряженно рассматривал маленький черный четырехугольник,

словно пытаясь увидеть, что же за информация скрывается в нем, потом перевел взгляд на собеседника:

— Что это?

Лорд Эйзел прикоснулся пальцем к сенсору активации, и над пластинкой возник мутный, размытый столбик голограммы, который мгновенно прояснился и исчез, сделавшись невидимым и оставив над столом только четкое изображение какой-то планеты. Лорд Эйзел заговорил четким, размеренным голосом:

— Спираль Нотерея, семнадцатый бут-сектор, зона «А». Третья планета желтой звезды, годовой период обращения 0,9 стандартного, суточный — 0,92, самоназвание Земля. Действующий вариант цивилизации существует около пяти тысяч местных лет. К моменту контакта с канскебронами, по приблизительным оценкам, достигли уровня «Эйч-2». — Он замолчал.

Император удивленно вскинул брови:

— Так низко? — Он покачал головой и внимательно всмотрелся в медленно вращающееся изображение планеты, словно пытаясь понять, почему Эйзел испытывает к этой планете столь явно выраженный интерес. — И что привлекло к ней ваше внимание? Ведь вы не собираетесь просто ознакомить меня с особенностями ее истории и космографии?

Лорд-директор продолжил спокойным тоном:

— Спустя пятьдесят шесть местных лет после оккупации планеты канскебронами они подняли восстание.

Император слегка сморщился:

— Новый Терминум. Но Терминум, насколько я помню, имел к моменту захвата канскебронами уровень «Эйч-5». — Он сделал паузу. — Терминум продержался почти шесть стандартных месяцев, а эти? Три?

Лорд Эйзел медленно покачал головой:

— Восстание произошло восемь лет назад.